

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/88/1

ТЕОРИЯ АСКРИПТИВНОСТИ ЯЗЫКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, andryusha.fsf@gmail.com

Аннотация. Рассматривается механизм конструирования модальных объектов посредством осуществления аскриптивных актов. Утверждается, что семантика аскриптивных выражений не может быть интерпретирована в терминах референциалистской семантики, поскольку институциональные объекты, выступая в качестве значения языкового выражения, не обладают необходимым онтологическим статусом. Над обычными объектами в результате языковой практики в результате осуществления аскриптивного акта надстраивается новый модальный объект. Введение таких объектов контекстуально и интенционально детерминировано, но их дальнейший онтологический статус независим от контекстуальных и интенциональных предпосылок. **Ключевые слова:** аналитическая философия, аскриптивность, интенциональность, социальной поворот, модальный объект

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность организаторам конференции «Актуальные проблемы аналитической философии», состоявшейся 25–27.09.2025 в Томском государственном университете, и ее участникам, комментарии которых в дискуссии по докладу позволили улучшить настоящую статью, созданную на его основе.

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Теория аскриптивности языка и конструирование модальных объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 5–12. doi: 10.17223/1998863X/88/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE THEORY OF LANGUAGE ASCRIPTIVITY AND THE CONSTRUCTION OF MODAL OBJECTS

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, andryusha.fsf@gmail.com*

Abstract. Our ontology includes not only ordinary objects that do not require ultimate conceptualization and form the basis of our experience. Such ordinary objects are accessible to reference or, to put it more simply, accessible to ostensive definition. Our ontology

includes objects whose existence is not reducible to physical representation in the world. Some of these are given to us descriptively. For example, the language of mathematics describes immaterial, abstract objects. But there are also others that, while serving as the meaning of a linguistic expression, are not ontologically necessary. Such modal objects, for example, in the context of jurisprudence, include rights and obligations. According to H. Hart, it is impossible to provide descriptive statements regarding such unusual objects, since they are not simply terms, but direct elements of discursive practices. In some cases, the implementation of an ascriptive act necessitates the introduction of a new modal object into ontology. Consequently, the ascriptive nature of everyday language should be considered as one aspect of ontology construction. Accordingly, the use of ascriptive expressions should not be viewed as a referential or descriptive reference to an ordinary object. The semantics of language are determined not only by the immediate adequacy of word use, intentions, or presuppositions of the speech agent. Thus, J. Pery identifies context as an element determining the semantics of linguistic expressions. It is precisely the contextual mediation of acts of using ascriptive expressions that allows us to distinguish the content of two tautological expressions: (1) "Bill committed a crime" when Bill finished the last piece of cake, and (2) "Bill committed a crime" when Bill forcibly took a woman's purse and ran away with it. Without strictly defined extralinguistic conditions that constitute the discursive context, Bill's actions cannot legitimately be described as "Bill committed a crime." The fact is that in reality, there exists a legal system, which serves as the very context within which an ascriptive act is possible, through which the action committed by Bill will be qualified as a crime. That is, some action committed by Bill, within the framework of our terminology, should be considered ontologically necessary. Whereas qualifying a specific event or action committed by Bill as a crime is not ontologically necessary. It is precisely the "crime that Bill committed," which may subsequently become an object of reference, which arises as a result of the ascriptive act and is qualified by us as a modal object.

Keywords: analytic philosophy, ascriptivity, intentionality, social turn, modal objects

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude to the organizers of the conference "Current Problems of Analytical Philosophy" (September 25–27, 2025, Tomsk State University) and its participants for the discussion and comments on the report, which allowed improving this article.

For citation: Andrushkevich, A.G. (2025) The theory of language ascriptivity and the construction of modal objects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/1

Настоящую статью хочется начать необычным образом – с анонсирования новости, которая отчасти затрагивает часть прошлого аналитической философии, которая в большей степени ориентирована в ее будущее и которая логично пересекается с темой настоящей статьи. Не думаю, что новость достаточно масштабная для того, чтобы однажды занять одну из полос *The New York Times*, но вполне вероятно, те, кто увлечен аналитической философией, однажды встретят ее на страницах таких журналов, как *Mind* или *The Monist*. Новость заключается в следующем. Как отметил в своем докладе, прочитанном 25.09.2025 на конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск), В.В. Целищев, в настоящее время мы наблюдаем процесс деконструкции аналитической философии. Однако хочется подобрать термин, который бы в меньшей степени отсылал к творчеству Ж. Дерриды, поэтому скажем следующее: мы живем во время внутренней реорганизации аналитической философии, которая в настоящее время переживает так называемый социальный поворот. Ряд авторов обращают на это внимание в самых свежих публикациях [1–3]. Отметим, что явление рассматривается шире, чем того можно было бы ожидать. Речь идет не только о теории институциональ-

ных фактов Дж. Серля [4, 5], своеобразными предвестниками «социального поворота» также являются теория множественного субъекта М. Гилберта [6] и концепция совместных «мы-установок» Р. Туомеллы [7]. Границы применения аналитической методологии расширяются, предметом анализа оказываются новые предметные области. Но тем не менее важно понимать, что неизменным остается общий вектор стилистического единообразия. А стиль для аналитической философии, как отмечает Р. Хамфрис, представляет собой непосредственную форму характерного философского мышления [8. Р. 257–258]. Стиль всегда связан с содержанием.

Следовательно, если аналитическая философия действительно переживает «социальный поворот», то при этом она сохраняет за собой классические вопросы и традиционные темы. В центре внимания по-прежнему остается в том числе и семантическая проблематика, которая, если выразиться максимально прямолинейно, может быть сведена к вопросу «каково значение понятия „значение“?».

Как известно, в срезе семантической проблематики разворачивается, скажем так, онтологическая баталия. А. Стролл, рассматривая теорию прямой референции, формулирует так свою аксиому референции: «Нельзя осуществить референцию к тому, чего не существует» [9. Р. 255]. В близкой по духу манере пишет и Куайн, когда заявляет, что существует все [10. С. 7]. Вероятно, такой взгляд можно было бы считать истинным в том случае, если бы речь шла об *обычных вещах*. М. Айерс пишет про *обычные объекты*: «Они предконцептуально и, что еще более несомненно, предтеоретически даны, индивидуируются и отслеживаются в нашем наиболее примитивном сенсорном и деятельностном отношении к физической структуре мира. Конкретное, материальное единство типичного „обычного объекта“, его границы и его отделенность от других объектов и окружающей материи являются природными, физическими и реальными. Постигание материальной структуры и таких дискретных и единых материальных структур чрезвычайно важно для простейших действий» [11. Р. 535]. Именно *обычные вещи* выступают основанием для всякого рода опыта, за счет чего составляют фундаментальную основу человеческого познания. Не нуждаясь в предельной концептуализации, они формируют основной, базовый уровень нашей онтологии. «В первичном типе референции мы отсылаем к объектам в пределах нашего собственного знакомства или опыта», – пишет Айерс [11. Р. 557].

Помимо обычных вещей, с которыми мы связаны посредством референции¹, иногда встречаются чуть менее обычные вещи. В нашей онтологии имеются такие объекты, существование которых не сводится к физической представленности в мире. Некоторые из них даны нам дескриптивно. К примеру, язык математики описывает нематериальные, абстрактные объекты. Но также встречаются и другие, которые, выступая в качестве значения языкового выражения, онтологически не являются необходимыми. Их онтологический статус опосредован актами языковой практики, осуществления высказывания, в частности аскриптивного акта. Агент речи квалифицирует определенное положение вещей в соответствии с субъективным опытом или нормативными установками сообщества. Мы будем называть такие объекты

¹ Мы принимаем вводимое Л.Б. Макеевой различие референции на референцию₁ и референцию₂, о котором подробнее см. в [12].

модальными и утверждаем, что они не редуцируются к физическим объектам и непосредственные акты их введения несводимы к дескриптивным описаниям этих объектов. В этом смысле модальные объекты следует интерпретировать скорее как *возможные*, в то время как первоначальный *обычный* объект, которому приписывается некоторый статус или который получает некоторую квалификацию, рассматривается нами как онтологически *необходимый*. Вводимое нами разграничение отчасти совпадает с идеей Серля, который различает *грубые* (brute) и *институциональные* факты [5. Р. 2].

К числу таких *модальных* объектов, к примеру, в рамках юриспруденции относятся права и обязанности. По мысли Г. Харта, применительно к таким необычным вещам нельзя осуществить дескриптивного указания, так как они являются не просто терминами, а непосредственными элементами дискурсивных практик [13. Р. 176–180]. Другим примером может быть обещание или ожидание. В материальном мире нет ничего такого, что представляло бы собой референт для понятия «ожидание». Однако в выражении «Я не оправдал твоих ожиданий» у данного понятия совершенно точно должно быть значение, но связь с ним выстраивается иначе, чем индексикал «я» связан с агентом речи. То есть наша онтология подразумевает такие объекты, к которым нельзя осуществить референции². Но, выступая в качестве значения языкового выражения, подобного рода объекты составляют нашу онтологию.

Изначально введенное в аналитической философии права понятие аскриптивности является концептуальным средством или механизмом, реализующим специфическую форму связи между языком и реальностью. Более того, осуществление аскриптивного акта в ряде случаев обуславливает введение в онтологию нового *модального* объекта. Следовательно, свойство аскриптивности обыденного языка следует рассматривать как один из аспектов для конструирования онтологии. Соответственно, употребление аскриптивных выражений следует рассматривать не как референциальное или дескриптивное указание на обычный объект.

Семантика языка определяется не только непосредственной адекватностью употребления слов, намерениями или пресуппозициями агента речи. Так, Дж. Перри выделяет контекст в качестве элемента, определяющего семантику языковых выражений [14]. Именно контекстуальная опосредованность актов употребления аскриптивных выражений позволяет нам различать содержание двух тавтологичных выражений: (1) «Билл совершил преступление», когда Билл доел последний кусок торта, и (2) «Билл совершил преступление», когда Билл силой отнял у женщины ее сумку и скрылся с ней. Вне строго определенных внеязыковых условий, составляющих дискурсивный контекст, действия Билла никак не могут быть правомерно описаны как «Билл совершил преступление». Дело в том, что в реальности существует система права, выступающая тем самым контекстом, в рамках которого возможным является аскриптивный акт, посредством чего действие, которое совершил Билл, будет квалифицировано как преступление. То есть некоторое действие, совершенное Биллом, в рамках нашей терминологии следует рассматривать как онтологически необходимое. Тогда как квалификация определенного события или действия, совершенного Биллом, как преступления онтологически необходимой не является. Именно «преступление, которое совершил Билл», которое впоследствии может являться объектом референ-

ции, возникает в результате осуществления аскриптивного акта и квалифицируется нами как *модальный* объект.

Рассмотрим другой пример и обратимся к феномену поп-арта Э. Уорхолла, который приводит А. Данто. Это прекрасная иллюстрация того, как обыденный объект, для которого не характерны эстетические особенности, при помещении в концептуальный и институциональный контекст обретает художественный статус [15. Р. 146]. Определенный коллаж вне институционального контекста является материальным объектом, но при помещении в соответствующий контекст и в результате осуществления аскриптивного акта данный объект квалифицируется как произведение искусства. Таким образом, можно сделать вывод, что сам по себе коллаж онтологически является необходимым объектом. В силу его представленности и объективной данности его существование следует рассматривать как необходимое, тогда как существование именно произведения искусства представляет собой уже институциональный или эстетический факт, существование которого мы рассматриваем как возможное. Само возникновение поп-арта в этом ключе воспринимается как процесс (или часть процесса) трансформации институциональных правил и установок художественных принципов и, соответственно, определенной практики. Пересмотр существующих принципов организации художественной практики и сущностных аспектов, на основании которых объекту приписывается художественный статус, с точки зрения Л. Липпард, следует воспринимать как новый способ квалификации нехудожественных объектов [16. Р. 24].

Далее необходимо обратить внимание на роль интенциональности при введении в онтологию модальных объектов. Для модальных объектов язык оказывается условием их введения в онтологию, но, как было отмечено выше, также требуется и определенная связь между агентом речи и определенным контекстом. Отметим, что в качестве контекста может выступать как некоторая дискурсивная практика, в рамках которой осуществляется аскриптивный акт, так и определенные намерения агента речи. Мы основываемся на анализе Шиффером предложений, в которых осуществляется приписывание веры [17]. Вера, соответственно, рассматривается как трехместное отношения $V(x, p, t)$, где t – это способ представления объекта веры, при котором x верит в p [17. Р. 500]. Рассмотрим два примера:

(1) Билл считает Джона талантливым поэтом.

(2) Суд признает Билла виновным в совершении преступления.

Для каждого из приведенных примеров мы утверждаем, что речь идет об аскриптивных актах. В случае с (1) Билл квалифицирует Джона как ‘талантливого’. Пример (2), очевидно, является актом приписывания действиям Билла статуса ‘преступление’. Или вот еще пример: определенные действия, когда Билл на аудиторию что-то говорит, квалифицируются как ‘защита курсовой работы’, которой, в свою очередь, приписывается статус ‘успешно’.

С точки зрения Шиффера, необходимым для релевантного анализа подобных предложений является введение оператора Φ – «определенного неявно указанного и контекстуально определяемого типа способа представления» [17. Р. 503]. В случае (1) требуется Φ^* , которое представляет собой некоторые обстоятельства, в которых Джон показывает или читает Биллу свои стихи, и они производят на Билла впечатление. Только таким образом оказыва-

ется возможным то, что Билл интенционально, исходя из собственных представлений о поэзии и таланте, осуществит аскриптивный акт, приписывая Биллу статус талантливого поэта. Логически данная структура выглядит следующим образом:

(1a) $(\exists m) (F^*m \ \& \ V(\text{Билл}, \langle \text{Джон}, \text{быть талантливым поэтом} \rangle, m))$.

То есть на основании определенных интенционально обусловленных внеязыковых установок, которые, в сущности, следует отнести к проявлениям антиреалистических тенденций, возникает новый *модальный* объект. При F^{**} , т.е. ином способе представления Джона, когда тот, допустим, вместо чтения стихов исполняет танец, мнение Билла, что Джон талантливый поэт, ни за что не сложилось бы. Отметим, что, хотя возникновение мнения Билла опосредовано интенциональностью Билла, его дальнейшее существование не имеет непосредственной связи с теми или иными ментальными состояниями Билла. К нему можно реферировать, даже если непосредственное сознание Билла более не существует.

(2a) $(\exists m) (F^{**}m \ \& \ J(\text{Билл}, \langle \text{действия Билла}, \text{преступление} \rangle, m))$.

Аналогичным образом именно F^{**} , т.е. соответствие некоторым процессуальным нормам, обеспечивающим судопроизводство, и рассмотрение действий Билла именно в заданном дискурсивном контексте, делает возможным соответствующий аскриптивный акт. Данный пример, пусть и в значительно меньшей степени, но тем не менее тоже опосредован интенциональностью агента, который выносит судебное решение. Иное представление материалов и доказательств, а также осознание включенности в определенный правовой контекст и те нормы, которые его составляют и определяют характер выносимых решений, детерминирует то, что (2) оказывается реализованным правомерно.

Таким образом, мы утверждаем, что имеет место различие в способах существования тех объектов, которые мы называем необходимыми, и модальных объектов, которые надстраиваются над некоторыми физическими предметами или событиями. Для референциалистских семантик выражения «обещание», «обязательство», «правильность» рассматривают как нереферентные. Отсюда вывод о том, референциалистская программа в духе Рассела ограничивает наше представление о действительности. На мнение невозможно осуществить указание в том смысле, в котором референция₂ указывает на тот или иной материальный объект (можно отметить, что данная трактовка феномена референции в определенной степени подразумевает возможность остенсивного указания, тогда как для референции₁ такая возможность далеко не всегда характерна). Однако, выступая в качестве значения выражения, мнение вводится в онтологию и не совпадает с непосредственным его произнесением. Когда Джон реферирует к мнению Билла «сортировка мусора – это хорошо», он отсылает не к акту произнесения Биллом определенных слов. Точно так же и выражение «защита Джоном дипломной работы прошла успешно»: успешным было не имевшееся в действительности событие, когда Джон что-то говорил перед другими людьми, а институциональный факт защиты дипломной работы, который рассматривается нами как квалификация описанных выше событий определенным образом.

Язык для модальных объектов оказывается необходимым условием, поскольку именно посредством осуществления перформативных действий, вхо-

дящих в структуру ряда языковых выражений, и осуществляется введение в онтологию нового объекта. Таким образом, мы делаем фундаментальный вывод о том, что в развиваемой нами теории аскриптивности языка содержится основание для различения разных онтологических модусов. Так, посредством реализации аскриптивных актов мы конструируем нашу онтологию, что в определенной степени является развитием тех идей, которые составляют ядро явления, названного социальном поворотом в аналитической философии.

Список источников

1. Kosecki A. Is There a “Social Turn” in Analytic Philosophy? // *Analiza i Egzystencja*. 2024. № 68. P. 63–80.
2. Burman Á. *Nonideal Social Ontology: The Power View*. Oxford : Oxford University Press, 2023. 264 p.
3. Chalmers D.J. What is conceptual engineering and what should it be? // *Inquiry*. 2020. Vol. 68, № 9. P. 2902–2919.
4. Searle J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford : Oxford University Press, 2010. 224 p.
5. Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York : Free Press, 1995. 241 p.
6. Gilbert M. *On Social Facts*. New York : Routledge, 1989. 521 p.
7. Tuomela R. *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 274 p.
8. Humphries R. Analytic and Continental: The Division in Philosophy // *The Monist*. 1999. Vol. 82, № 2. Continental Philosophy: For & Against. P. 253–277.
9. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York : Columbia University Press, 2001. 304 p.
10. Куайн У.В.О. О том, что есть // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 7–23.
11. Ayers M. Ordinary Objects, Ordinary Language, and Identity // *The Monist*. 2005. Vol. 88, № 4. P. 534–570.
12. Макеева Л.Б. Некоторые соображения о связи между референцией и онтологией // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. Т. 25, № 3. С. 42–57.
13. Lacey N. *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford : Oxford University Press, 2004. 432 p.
14. Perry J. Indexicals, Contexts, and Unarticulated Constituents / eds. D. Westertahl et al. *Computing Natural Language*. CSLI Publications, Stanford, 1998. P. 1–12.
15. Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1974. Vol. 33, № 2. P. 139–148.
16. Lippard L.R. *Pop Art / With Contributions by Lawrence Alloway, Nancy Marner and Nicolsa Calus*. 3 ed. London : Oxford University Press, 1970. 220 p.
17. Schiffer S. Belief ascription // *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 89, № 10. P. 499–521.

References

1. Kosecki, A. (2024) Is There a “Social Turn” in Analytic Philosophy? *Analiza i Egzystencja*. 68. pp. 63–80.
2. Burman, Á. (2023) *Nonideal Social Ontology: The Power View*. Oxford: Oxford University Press.
3. Chalmers, D.J. (2020) What is conceptual engineering and what should it be? *Inquiry*. 68(9). pp. 2902–2919.
4. Searle, J. (2010) *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press.
5. Searle, J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
6. Gilbert, M. (1989) *On Social Facts*. New York: Routledge.
7. Tuomela, R. (2002) *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Humphries, R. (1999) Analytic and Continental: The Division in Philosophy. *The Monist*. 82(2). pp. 253–277.

9. Stroll, A. (2001) *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press.
10. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zrenia logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Kanon+. pp. 7–23.
11. Ayers, M. (2005) Ordinary Objects, Ordinary Language, and Identity. *The Monist*. 88(4). pp. 534–570.
12. Makeeva, L.B. (2010) Some Considerations on the Relationship Between Reference and Ontology. *Epistemology & Philosophy of Science*. 25(3). pp. 42–57.
13. Lacey, N. (2004) *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press.
14. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts, and Unarticulated Constituents. In: Westertahl, D. et al. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford: CSLI Publications. pp. 1–12.
15. Danto, A.C. (1974) The Transfiguration of the Commonplace. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 33(2). pp. 139–148.
16. Lippard, L.R. (1970) *Pop Art. With Contributions by Lawrence Alloway, Nancy Marner and Nicolsa Calus*. 3 ed. London: Oxford University Press.
17. Schiffer, S. (1989) Belief ascription. *The Journal of Philosophy*. 89(10). pp. 499–521.

Сведения об авторе:

Андрушкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 16.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*